

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЕМНАДЦАТИ ТАБЕЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лин., № 12.

1888.

Поѣздка въ мѣстность Сусинганъ.

Въ октябрѣ 1885 года.

Передъ возвращеніемъ моимъ изъ Ташкента въ Петербургъ у меня оказалась свободною цѣлая недѣля, которую я могъ посвятить изслѣдованію какой либо мѣстности вблизи Ташкента. Самъ я предполагалъ изслѣдовать одинъ курганъ, лежащій верстахъ въ 70 отъ этого города, заинтересовавшій меня своимъ названіемъ, онъ называется *Карахатай тене*, но слухъ объ открытіи, тоже недалеко отъ Ташкента, какой-то необыкновенной пещеры съ изображеніемъ человѣка съ короною (таджъ), съ войскомъ и загадочными надписями, которыя никто прочитатъ не можетъ, заставили меня измѣнить мой планъ и отправиться на осмотръ пещеры. Я по опыту уже зналъ, что полагаться на рассказы туземцевъ можно только съ большою осторожностію¹⁾; но сообщенія о пещерѣ были такъ убѣдительны, что я легко поборолъ свое недоувѣріе. Почему никто раньше не зналъ о существованіи этой пещеры мнѣ объяснили очень просто: она находится въ дикой, никѣмъ не посѣщаемой мѣстности, въ горахъ на сѣверъ отъ Ташкента и

1) Для обрашिका мѣстныхъ слуховъ позволю себѣ привести слѣдующій, имѣвшій мѣсто въ мое пребываніе въ Ташкентѣ. Въ русскую школу для сартовъ генераль-губернаторъ подарилъ модель русскаго села, и черезъ нѣсколько дней у туземцевъ прошелъ слухъ, что ген.-губернаторъ подарилъ дѣтямъ два кишлака, подать съ которыхъ и будетъ поступать ученикамъ.

была открыта случайно развѣдчиками рудъ и каменнаго угля въ самое послѣднее время.

11 октября вечеромъ выѣхалъ я на почтовыхъ въ Джери (3-я станція отъ Ташкента, въ 50 верстахъ отъ него), откуда пришлось продолжать путь уже верхомъ. На 6 верстѣ передъ Джери вправо отъ дороги на разстояніи сажень 50, находится тепе, называемая *Ачикъ-булякъ* «горькій ключъ»; тамъ находятъ домашнюю утварь. Раньше мнѣ указали гору, называемую *Казы-куртъ* (на половинѣ пути между станціями Шарпахана и Бекляръ-бекъ). По мѣстнымъ легендамъ на ней остановился Ноевъ ковчегъ (*кема*), доски и бревна котораго цѣлы будто бы и въ настоящее время и кромѣ того сохранился слѣдъ, выдавленный дномъ. Когда ковчегъ еще носился по волнамъ, окрестныя горы затѣяли между собою споръ, каждая увѣряла, что онъ остановится именно на ней. Казы-куртъ же думала: я гора маленькая, ковчегъ на мнѣ, конечно, не остановится. И вотъ, за такую скромность и смиреніе ея выказанный ковчегъ на ней и остановился. Легенда нравоучительная ¹⁾.

Ранней весной, когда начнутъ зеленѣть поля и деревья, толпы богомольцевъ отправляются на поклоненіе (зіяретъ) сперва къ Изманлу ата (двоюродный братъ Ибрагима ата, отца Ахмеда Ясави, похороненъ въ Турбатѣ), потомъ идутъ на Казы-куртъ и въ Сайрамъ. Въ Сайрамѣ непременно надо побывать каждому Туркестанцу, безъ того будто-бы и въ Мекку не пустятъ, а потому каждый мусульманинъ Туркестанскаго края, намѣревающийся совершить хаджъ къ гробу Мухаммеда запасается свидѣтельствомъ въ Сайрамѣ о посѣщеніи этой святыни. Я не могъ не выразить своего удивленія по поводу такого великаго значенія приписываемаго Сайраму, и мнѣ объяснили, что тамошняя мечеть Ахса выстроена раньше Мекки. Вотъ какъ далеко зашло усердіе мѣстныхъ муллъ къ своимъ матеріальнымъ выгодамъ.

1) Скромность — великая добродѣтель, не только по теоріи, но и на практикѣ. Фиалка считается въ Средней Азіи растеніемъ по преимуществу хорошимъ, потому что цвѣтокъ ея наклоняется къ землѣ, какъ бы размышляя, что скоро опять обратится въ нее. Таже мысль проводится въ одномъ четверостишіи:

کر نای تیک برآمد	Хотя тростникъ и гордо голову держитъ,
نک پای بویرا نام برداشت	Но изъ него дѣлаютъ плетенку подъ ноги.
بید مجنون خم شد	Ива печальная внизъ склоняется,
مجنون نام برداشت	За то получила имя любезной (Богу).

Въ Сайрамѣ, сообщаютъ туземцы, родина Асланъ-боба, родоначальника Сайрамцевъ, который жилъ очень долго. Мухаммедъ во время рамазана для розговѣнья прежде всего бралъ финикъ *хурма*, одинъ такой хурма даль онъ Асланъ-бобу - вслѣдствіе чего онъ и не умиралъ лѣтъ 400; когда Мухаммедъ приказалъ ему передать хурма Ахмеду Ясави, только тогда Асланъ-бобъ и умеръ.

Возвращаясь къ своей поѣздкѣ. 12 октября отправились мы изъ Джери въ Турбатъ. Въ 6 верстахъ отъ станціи есть мѣстность называвшаяся прежде *малый Туркъ-куль*, а теперь *Чоръ-пулатъ*. Живутъ здѣсь Киргизы. Близъ одного оврага вырыты были 3 мѣдныя чашки съ арабскими надписями (одна чашка разбита); онѣ мною приобрѣтены и переданы въ Археологическую комиссію. Въ этомъ мѣстѣ мы пробовали рыть и находили черепки глиняной посуды и человѣческія кости (между прочимъ части черепа). Жители сказывали, что иногда попадаются мѣдныя монеты, а разъ былъ вымытъ ручейкомъ горшокъ съ серебряными вещами. Не вдалекѣ отсюда находится *большой Туркъ-куль*, гдѣ жителями вырытъ былъ странный желѣзный предметъ, можетъ быть *тузъ*, знамя.

Здѣсь мы прежде всего осмотрѣли четверугольникъ, правильной формы, обозначавшійся валомъ, служившимъ прежде стѣною для крѣпости, а городъ расположенъ былъ ниже, судя по буграмъ. Длина и ширина крѣпостнаго вала равнялась 80 саженимъ. На незначительной глубинѣ попадались черепки посуды и битые кирпичи. Напротивъ этой крѣпости, черезъ сай (рѣчка) Чорбуляктъ («четыре ключа») находится небольшое возвышеніе въ родѣ кургана, 9 сажень въ діаметрѣ и высотой до 2 аршинъ. Мы пробовали раскрыть его и на глубинѣ 2 арш. нашли полъ изъ обожженнаго кирпича въ одинъ рядъ разной величины и разнаго цвѣта. Сверху его ничего не оказалось, а подъ нимъ земля была очень тверда, такъ что китменемъ съ трудомъ можно было разбивать ее.

Къ вечеру прибыли въ *Турбатъ*, который прежде будто-бы назывался *Джоуманъ*, а вся мѣстность, по ярыку 750 года (мною списанному), — *Хурджанди* حورجندی. Остановились у мугевалія при мазарѣ схороненнаго здѣсь Измаила-ата. Мугеваліи производилъ постройки, возилъ лѣсъ на лошадахъ, которыхъ и держалъ въ саду у мазара. Это было съ его стороны маленькимъ злоупотребленіемъ, потому что во дворѣ мечети или мазара животныхъ приводить нельзя, а если они случайно какъ нибудь попали туда и совершили нѣкоторыя отправления природы, то землю съ того мѣста, по шаріату, надо снять на 7 кауза (обхватъ ладони, а всего около нашего аршина) и вывезти вонъ. Но въ это время года богомольцевъ въ Турбатѣ не

бываетъ и мутевалли могъ не стѣсняться. Приходилъ разный народъ поглазѣть на заѣзжихъ гостей и, между прочимъ, одинъ древній, но еще бодрый старецъ. На мой вопросъ, сколько ему лѣтъ, отвѣчалъ, что ему уже 80 лѣтъ. «Вы теперь, стало быть, *авлия* (святой) сказалъ ему одинъ изъ моихъ спутниковъ». — «У меня есть родственникъ еще на два года старше меня», замѣтилъ авлія. — «Ну, тотъ уже *кутбъ*» (высшая степень святости) возразили ему. Здѣсь насъ стали пугать, что мы къ пещерѣ не пройдемъ, потому что на Караташѣ (горное плато, по которому предстояло ѣхать) выпалъ снѣгъ. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день (13 октября) мы выѣхали. Передъ отправленіемъ въ путь хозяинъ вынесъ намъ въ деревянной чашкѣ коровьяго масла, чтобы мы, поѣвъ его, предохранили бы себя отъ стужи въ горахъ. Я отказался отъ такой предосторожности, но мои спутники сарты скоро покончили съ масломъ.

Отѣхавъ версть 7, прибыли къ мѣсту съ незначительными бугорками, тутъ будтобы и находился городъ Хурджанди; а версты 4 далѣе расположился большой кишлакъ, по имени *Чинаръ*, населенный киргизами и названный такъ потому, что здѣсь было когда-то много чинаровъ, теперь же отъ нихъ остались одни пни. Недавно одинъ киргизъ выбирая глину для забора, нашелъ въ землѣ три кувшина различной формы, которые и передалъ мнѣ.

Версты три далѣе, въ котловинѣ, находятся развалины города, называемаго *Санг минъ гуйликъ саовъ* (вся мѣстность называется саовъ), а возлѣ высокій, четырехъугольный курганъ формы усѣченной пирамиды, называемый *Уя-тепе*, по глазомѣру сажень 12 высоты, а длиною больше 25. Очевидно, это была крѣпость и спускъ ея обращенъ къ городу. Далѣе, версты черезъ двѣ отсюда, у подъема на Кара-ташъ находится по ту сторону сая еще тепе, тоже съ 4-угольной площадкой на верху и называется *Катъ-каноша* (простывшая пища). Хотя на Караташѣ и былъ снѣгъ, но проѣхать оказалось возможнымъ. Киргизы, сѣющіе здѣсь пшеницу (въ горахъ пшеница растетъ безъ искусственнаго орошенія) не успѣли еще всю убрать и продолжали уборку по снѣгу. Горная пшеница растетъ не густо, но даетъ, какъ мнѣ передавали туземцы, очень бѣлую муку.

При спускѣ съ Кара-таша проѣхали мимо небольшого кладбища (гуристанъ), на которомъ обратила мое вниманіе люлька поставленная на свѣжей могилѣ. Мнѣ объяснили, что по смерти ребенка поставили на могилу и люльку, которая оказалась несчастливою: пусть уйдетъ съ нимъ и это несчастіе, чтобы другія дѣти не умерли отъ этой колыбели. Въ 6½ часовъ прибыли въ мѣстность называемую *Дустъ-ами* и при совершенной темнотѣ

добрались до киргизскаго аула, въ которомъ и расположились на ночлегъ. По традиціонному гостепріимству киргизъ-хозяинъ хотѣлъ зарѣзать для насъ барана, но я рѣшительно отказался отъ этой чести; провизіей же мы запаслись на весь путь въ Турбатъ.

На другой день 14 октября выѣхали мы въ 7 часовъ утра, взявъ въ одномъ попутномъ аулѣ инструменты у кузнеца, да и его самого въ качествѣ проводника. Тутъ оказалось, что наши лошади сбили подковы, которыя были уже плохи, а подковать вновь не было возможности, такъ какъ у кузнеца готовыхъ подковъ не оказалось, и самъ онъ сдѣлать ихъ не умѣлъ. Пришлось пуститься на авось. Ѣхали мы вдоль рѣчки *Угамъ-кызыл-талъ* вверхъ, противъ теченія, рѣчка очень быстрая, а потому шумная, впадаетъ въ Чирчикъ. На той сторонѣ ея (тамъ я не былъ) находится старая крѣпость (тепе) *Алмалы-джой*, гдѣ оказывается много человѣческихъ костей и череповъ, наваленныхъ кучей. Дальше возвышенность *Майли-балта* («жирный топоръ»), потому что здѣсь была сильная рѣзня. Тутъ же мѣстность *Джауджуракъ* («вооруженіе»), гдѣ много народу избито.

Вскорѣ пришлось подниматься на возвышенное плато. Пошелъ дождь, смѣнившійся мокрымъ снѣгомъ, поднялся сильный вѣтеръ. Наше положеніе дѣлалось не изъ приятныхъ. Мы и то ѣхали безъ дорогъ, изрѣдка только попадались тропинки, проложенныя въ лѣтнее время пасущимися здѣсь стадами барановъ, но обильный снѣгъ могъ представить намъ большія затрудненія при обратномъ пути. Надо замѣтить, что въ зимнее время здѣшніе киргизы бывають отрѣзаны отъ остальнаго міра и могутъ выбраться изъ своихъ трущобъ только на лыжахъ. Къ счастью снѣгъ пересталъ довольно скоро, но путь испортился, лошади при отсутствіи подковъ скользили, часто оступались, особенно на склонахъ горъ. Въ опасныхъ мѣстахъ мы изъ предосторожности шли пѣшкомъ. По дорогѣ встрѣчалась дикая яблоня, барбарисъ, только что созрѣвшій, ежевика очень мелкая, береза, шиповникъ, крапива. Затѣмъ спустились въ лощину, которая упиралась въ гору. Приходилось подняться на нее и спуститься, что сдѣлали мы пѣшкомъ, употребивъ на то 1½ часа времени. Когда мы спустились, меня поразило одно загадочное сооруженіе: 4-угольная терраса высотой въ 1 сажень, въ длину и ширину по 15 сажень. Эта терраса имѣвшая откосы по бокамъ была вымощена камнемъ, какъ по своей площади, такъ и по откосамъ. Я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ, какое назначеніе могло имѣть подобное сооруженіе въ необитаемой мѣстности, куда заходятъ только одни охотники. Мѣсто очень дикое, обрамленное съ двухъ сторонъ, по теченію рѣки, отвѣсными стѣнами горъ. Рѣка, сухая въ это время года, носитъ названіе *Айгыръ шаръ*

(«сборище жеребцовъ»). По этому саю, пока валуны были еще мелки, мы ѣхали на лошадяхъ, но когда добрались до мѣста загроможденнаго огромными камнями, лошадей пришлось оставить и карабкаться собственными средствами. Горы между тѣмъ сдвигались все ближе и въ одномъ мѣстѣ онѣ сошлись, а надъ саемъ образовалась громадная арка, пробитая водою. Сейчасъ же за этою аркою и находится, на лѣвомъ берегу сая, пещера въ скалѣ — цѣль нашихъ стремленій. Самая эта мѣстность носить названіе *Сусиньянъ* «вода переломилась», такъ какъ вода здѣсь течетъ въ двѣ противоположныя стороны.

При входѣ въ пещеру, на правой сторонѣ дѣйствительно намалевано красною краскою, должно быть красящимъ камнемъ изъ рѣки, подобіе человека, по видимому съ ружьемъ, но никакой короны на немъ не оказалось. Надписи, «которыя никто прочесть не могъ», превратились въ простыя черточки надъ фигурой; вмѣсто войска, лѣвѣе, напачканы лиловой краской четыре маленькія человѣческія фигурки, три рядомъ и повыше, четвертый отдѣльно и пониже, возлѣ него (на лѣво), надо полагать дерево, а еще дальше какое-то животное, можетъ быть лошадь.

Пещера эта не искусственная, находится она на высотѣ 4 сажень отъ сая, имѣетъ въ ширину $4\frac{1}{2}$ сажени, высоту при входѣ до 4 сажень, а длину отъ задней стѣнки до выхода $8\frac{1}{2}$ сажень. Одинъ изъ рисунковъ помѣщенъ на высотѣ 2 сажень отъ основанія пещеры, другой — на $1\frac{1}{2}$ сажени. Входъ въ пещеру направляется съ запада на востокъ. Разочарованіе полное, и дѣлать здѣсь больше было нечего. Въ 3 часа дня выѣхали мы въ обратный путь, и ѣхали скоро, торопясь засвѣтло добраться до жилья. Почти въ 7 часовъ, въ совершенной темнотѣ, голодные и утомленные, достигли мы до небольшого киргизскаго аула, гдѣ отдохнули до 9 часовъ, а затѣмъ при лунномъ свѣтѣ отправились въ тотъ аулъ, гдѣ взяли кузнеца, куда и прибыли въ 12 часовъ ночи; тамъ мы и заночевали.

На слѣдующій день, 15 октября выѣхать въ обратный путь пораньше, какъ предполагали, не удалось, и вотъ почему. Одинъ киргизъ съ вечера вызвался доставить изъ Алмалы нѣсколько череповъ и долго не являлся, такъ что за нимъ отправленъ былъ посланецъ. Оказалось, что киргизъ, спутникъ нашъ въ знаменитую пещеру, заснулъ и проснулся только тогда, когда его разбудили. Наскоро поискалъ онъ костей, но череповъ не досталъ, а привезъ только нѣсколько реберъ, позвонковъ, да нижнюю челюсть съ зубами. Тѣмъ временемъ мы пробовали произвести раскопки одного тепе, находящагося близъ аула, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ него. Тепе носить названіе по саю *Тазъ-кара* «черная плѣшь» вѣроятно отъ каменнаго угля здѣсь находя-

щася и не такъ давно добываемаго Первушиннымъ. Но уголь оказался очень мягкимъ, плохимъ и разработка его прекратилась. Тепе устроено въ низменности, 4-угольная площадка имѣеть въ длину и ширину по 20 сажень, откосы очень круты, и подъемъ довольно труденъ. Въ низу мѣстность неровна, а потому высоту опредѣлить точно нельзя: съ восточнаго угла она доходить до 4 сажень, а съ южнаго до 8. Земля оказалась очень рыхлою. Когда мы начали рыть съ западнаго края, то намъ стали попадаться камни, служившіе быть можетъ для удержанія земли отъ осыпки, затѣмъ черепки посуды, разбитый кувшинъ большихъ размѣровъ, кусокъ перержавѣвшаго желѣза, имѣвшаго форму копыя. Выѣхали въ путь въ 11 часовъ дня въ Дусть-алп. Проѣхали мѣстность *Орда-кунангъ* «орда отдыхала», а затѣмъ и Кара-ташь, послѣднее трудное мѣсто. За нимъ въ право, въ широкой ложинѣ виднѣн большой ауль Джигирганъ. Спустившись съ Караташа, мы ѣхали другою дорогою, низомъ, не заѣзжая въ кишлакъ, расположенный на возвышенности. И тутъ оказалось тепе овальной формы сажени 1½ высотой. Выбрались опять къ Уя-тепе, которое отвѣсною стороною обращено было именно на эту дорогу, по которой мы возвращались. Очевидно, опасность угрожала съ этой стороны. Уже стѣмнѣло, когда пріѣхали въ кишлакъ Чинаръ, здѣсь, однако, не остановились, а поѣхали дальше, но наступившая темнота принудила насъ заѣхать въ одинъ киргизскій ауль и дожидаться восхода мѣсяца. Тутъ по моей просьбѣ молодые киргизы стали угощать меня киргизскими пѣснями. Въ первый разъ еще слышалъ я пѣніе киргизовъ, пѣніе не имѣющее ничего общаго съ пѣніемъ сартовъ. Пѣсни оказались юмористическаго содержанія и довольно интересныя. Впослѣдствіи я очень жалѣлъ, что не позаботился записать ихъ, но въ то время, признаюсь — мнѣ было не до пѣсенъ, хотя бы и киргизскихъ.

Въ 10 часу мы тронулись дальше. Поѣхали не прежнюю дорогою черезъ Турбатъ, а другою, черезъ Карабоу, которая будто бы ближе. Для насъ она не оказалась ближе, потому что мы заблудились, а заблудились потому, что разостлался густой туманъ. Заѣхали въ одинъ ауль, спросить о дорогѣ. Въ аулѣ на лай собакъ вышелъ одинъ человекъ, какъ вскорѣ оказалось — *дивона* (юродивый). На нашу просьбу онъ преважно спросилъ: — А какой родъ? Мои спутники, не зная будетъ ли это въ попадѣ или нѣтъ, отвѣчали: «Канглы». Оказалось не въ попадѣ, дивона принадлежалъ къ роду враждебному киргизамъ Канглы. На насъ посыпалась жесточайшая брань, но дорога была указана. Хотя мы поблагодарили дивону за указаніе и тронулись дальше, но онъ просто изъ себя выходилъ и продолжалъ насъ напутствовать самыми отчаянными выраженіями, стараясь изложить весь свой запасъ ругани. — «Бачагары вы ѣтакіе! — кричалъ онъ; — ну, пусть вамъ будетъ

счастливымъ путь, а всетаки вы великіе скоты, такими и пребудете!» И долго еще раздавалась въ ночной тишинѣ учащенная брань, расходившагося дивоны. Проѣхали мы мѣстность Іобильма, затѣмъ Туркъ-куль, еще разъ сбились съ пути, выбрались на почтовую дорогу гораздо выше станціи Джери и только въ 4 часа утра пріѣхали на станцію, и было во время: лошадь подмною стала пошатываться.

Н. Веселовскій.